

МАРИНА БЕЛКИНА

WINDOWS

18+

Окна Большого города

Городская проза

Марина Белкина

Windows. Окна Большого города

«Издательство АСТ»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Белкина М. Н.

Windows. Окна Большого города / М. Н. Белкина —
«Издательство АСТ», 2026 — (Городская проза)

ISBN 978-5-17-184644-2

Чтобы спасти любимую, Артем должен выбраться с опасной планеты Ада, а заодно исправить ошибки прошлых жизней и снять с Евы столетнее проклятие. Он готов идти до конца, даже если ради возвращения придется стать особенным человеком. Автор погружает читателя в пространство, где современная проза, магический реализм и фэнтези сливаются, чтобы рассказать о самом главном – о смелости быть собой, когда весь мир против. Это книга для тех, кто ищет свет во тьме и верит в чудо.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-184644-2

© Белкина М. Н., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Марина Белкина
Windows. Окна Большого города

Серия «Городская проза»

© Белкина М. текст, 2026

© Оформление ООО «Издательство АСТ», 2026

Пролог

В окне седьмого этажа висели гардины с черными и белыми масками. Белые маски смеялись, у черных уголки губ были опущены. Они злились, грустили или плакали? Все зависело от контекста. Лица деформировались в складках, перетекали друг в друга. Исчезали.

В комнате были двое. Мужчина сидел за столом у окна, прилипнув взглядом к черному стеклу. Женщина – на краешке кровати, уронив руки на колени.

– Я не любила ее. Да и за что мне ее любить? Но такая трагедия... Она никогда больше не будет прежней.

Она помолчала.

– Ты наведишь ее?

– А ты хотела бы этого?

– Нет, но... я думаю, ты должен. – Женщина смотрела в его напряженную спину. – Слышишь? Она ждет тебя.

– Я не могу видеть ее такой.

Он вздрогнул.

– Мне показалось, что за окном сидит белая птица. Как чайка, только больше. Мне показалось, ее тень легла на подоконник.

Женщина подбежала к окну.

– Где? Ничего не вижу... Плохая примета... На сердце беспокойно. Как бы это проклятие не пало через нее и на наш дом.

– Проклятие – всего лишь тень. А тени сокращаются, стоит взойти солнцу.

Белая птица слетела с подоконника и взмыла в черное беззвездное небо. Она покружила над двумя домами, которые стояли друг против друга, образуя колодец двора, и скрылась в полной темноте.

Глава 1

Слово из двух букв

Я лежал, не в силах подняться, лицом на голых камнях. Щеке было больно и жарко. Закашлявшись, я попытался встать на четвереньки, но снова рухнул. Одежда – треники и майка «Рик и Морти», моя любимая, – намокла и прилипла к телу. Ветер, который почему-то пах не морем, а серой, делал жару невыносимой. В мареве над раскаленными камнями поплыла женская фигура. Белый платок, пестрая кофта и длинная юбка – деревенская бабушка, на плече которой сидела большая птица. Бабушка показалась смутно знакомой. Я попытался вспомнить, и фигура вдруг покачнулась и растворилась в жарком воздухе, как голограмма. Я снова лег щекой на камни. Бурые волны лизали берег. Почему они такого цвета? Из-за заката?

Вдоль моря тянулись линии проводов. На фоне грозного неба, закрытого пеленой желтых облаков, чернел силуэт корабля, похожего на авианосец. Корабль был оборудован восьмиугольной железной башней, к которой причалил дирижабль. Его пузатое длинное тело, похожее на гигантскую рыбу с маленькими плавниками, соприкасалось носом с вершиной башни. На боку дирижабля была надпись, разобрать которую я не смог. По трапам корабля текли два темных людских потока, которые на берегу сливались в единую колонну. Колонну охраняли военные. В кожаных плащах, высоких армейских ботинках, в касках, они были вооружены автоматами. И почему-то с шорами на глазах, как у лошади. Как они ориентировались в пространстве?

Прямо перед своим носом я увидел ботинок на высокой подошве и услышал лающий голос сверху. Слов не разобрал: этого языка я не знал. Взгляд упал на дуло автомата. Я инстинктивно начал подниматься и вдруг осознал, что, если бы полежал еще немного, просто сварился бы заживо. Военный принялся и стал кричать на меня. Я подумал, что должен назвать свое имя и статью, хотя и не мог припомнить, что вообще это такое. Свое имя я не помнил тоже. Голова гудела, тошнило, как будто накануне я сильно перебрал. Мне казалось, это из-за запаха серы, разлитого в воздухе. Ноги были ватными, но главное не это. Душу мою переполняла такая безысходность, такое ощущение тупика и отсутствия света в конце тоннеля, что я заплакал.

Дулом автомата военный подтолкнул меня, и я занял место в общей колонне. Я машинально стал перебирать ногами, поймав общий ритм, и совершенно четко осознал: выжить тут можно только так. Идти вперед вместе с колонной. По щекам, смешиваясь с потом, текли слезы.

– Твоя одежда прилипает к телу не потому, что тебе жарко, – сказал кто-то возле моего уха. – А потому, что ты считаешь, что тебе жарко. А жарко тебе быть не может. Ты умер, парень. Как только поймешь это, станет легче.

Я повернул голову и сразу ему поверил. Это был парень с миндалевидными глазами и прической из барбершопа. Обычный парень, но серого цвета, мутный, с нечеткими контурами, как тень. Я посмотрел на свои руки – они были такими же, мутными, теньвыми, и даже еще более темными, чем у моего собрата по несчастью.

– Умер... – тупо повторил я.

– Что ж ты делал в дирижабле? Тоже мне лодка Харона, – рассмеялся он. – Был в отключке? У меня возникло нехорошее предчувствие, еще когда они сложили нас в вонючем киле друг на друга, как рабов. И место, в которое нас привезли, судя по всему, райскими кущами не назовешь. Это...

– Нет! – закрычал я, зажав уши руками. – Не говори...

Я понял, что не выдержу, если он назовет это слово.

– Слово из двух букв? – усмехнулся мой сосед по колонне. – Но, если нельзя называть вещи своими именами, мы точно в... Ладно. Мы в тюрьме.

Парень поднял ногу, на которой болталось железное кольцо с номером, закрепленное ржавым болтом. На моей щиколотке было такое же.

Я попытался вспомнить. Потертый диван, бутылка, которую я прятал под одеялом между ног. Почему? От кого? Затылок заломило, не могу вспомнить. В памяти всплыли крупные серьги с изумрудами...

Я посмотрел в озабоченное лицо своего соседа по колонне и сказал:

– Я должен вернуться.

Я отделился от колонны и рванул назад, к берегу. Бежать было тяжело, словно я был под водой.

– Псих, – крикнул сосед мне вслед.

Я бежал со всех ног и думал, что услышу сзади что-то типа пулеметной очереди, как в фильмах про войну, но, к моему удивлению, было тихо. Сердце выпрыгивало из груди, в боку кололо. Я подумал: «А ведь так не может быть с мертвым человеком», – и стало легче.

У пристани была натянута колючая проволока высотой метров в пять, которую я до этого ошибочно принял за линии электропроводов. Тянулась она вдоль всего берега. За проволокой плескалось море. Я подошел к ней вплотную, задрал голову и заплакал. Вспышка. Глазам стало больно от резкого света, сквозь пелену слез я увидел огромную Белую птицу невероятной красоты. Она была самым ярким источником света в этом месте. Птица зацепилась когтем за проволоку с обратной стороны. Она билась, пытаясь вырваться на волю, словно огонь полыхал над колючей проволокой.

Я встал на цыпочки, подsunул руки под проволоку, пытаясь отцепить ее коготь. Глаза обожгло солнцем. Я почувствовал жар в ладонях, меня тряхнуло волной неистовой боли, и я лишился чувств.

Очнулся я от ударов резиновой дубинкой, проклятия лающей непонятной речи сыпались на мою голову. Я попытался встать, колени дрожали. Дуло автомата подталкивало меня к общей колонне теней, тянущейся от берега. Удар дубинки пришелся по скуле – искры посыпались из глаз, я взвыл от резкой боли, но обернулся к пристани. Белой птицы на колючей проволоке не было. Я посмотрел на свои руки: ладони были черного цвета, выжжены, как угли в костре. В правой руке сияло перо. Я быстро сунул его за пазуху и присоединился к колонне.

Я не помнил, кто я и откуда, но совершенно точно мог сказать, что никогда прежде не видел такой длинной колонны. Она тянулась вдоль берега до самого горизонта. Небо озаряли вспышки, похожие на падающие звезды, только ярче, – сверкнет и исчезнет. Вокруг была пустыня. Ни цветка, ни травинки. Серые камни, казавшиеся черными из-за желтизны неба. Поверхность кое-где испещрена кратерами разного размера, как на другой планете. У самого горизонта тянулись горы, некоторые из них были потухшими вулканами. Выделялась одна. Из-за тумана было плохо видно, но казалось, что она поросла деревьями, которые колышутся на ветру. На вершине горели огни. Вдоль склона промелькнул и скрылся в тоннеле крошечный поезд с прицепленными вагонами и светящимися в темноте окошками – или мне это только показалось из-за запаха серы, разлитого в воздухе, и изнуряющей жары? Впрочем, сосед оказался прав: чем больше я осознавал свое теневое состояние, тем комфортнее себя чувствовал, если, конечно, так можно сказать. Пот не бежал рекой, скула, по которой съездил долбаный фашист почти не болела. Я огляделся по сторонам. Народ в колонне выглядел странно: все одеты в то, в чем застала та самая, с косой. Пожилой мужчина, закутанный в простыню. Мадам почти голая, в одних трусах (почему-то в мужских). Так что, на ее фоне мои трусики с вытянутыми коленками смотрелись еще вполне себе.

– Это Коридор Вечности, – сказал парень с модной стрижкой и миндалевидными глазами про нашу колонну.

Он снова оказался рядом, хотя быть этого никак не могло, ведь за время моего маршброска парень должен был оторваться и уйти далеко вперед. В отличие от меня, этот всезнайка помнил свое имя – его звали Акио. Почему же ни черта не помнил я?

– Таково проклятие, – со знанием дела заявил Акио.

– Куда мы идем? – спросил я.

– Мы должны подняться на гору. – Акио показал на поросшую лесом вершину. – Там есть железная башня. Это Венец мучений – чаша, которую каждый из нас должен испить до дна. Над железной башней – золотое облако, его не видно из-за туч. Воздушный змей отнесет туда каждого, кто покорит эту вершину. На золотом облаке Рай. Там свет. Растут пальмы и жасмин. Песни, прекраснее которых не слышали на земле. Саке льется рекой, и самые красивые девочки, для которых каждый поднявшийся на облако – японский император. Но восхождение совершат не все. Видишь вспышки на небе? Это души, которые не вынесли тягот пути. Они стали звездами.

– Откуда ты все это знаешь? – поразился я.

– С тех пор как умер, у меня что-то типа поисковика тут, – и он постучал пальцем по лбу.

– А мой поисковик, похоже, сломан, – вздохнул я и улыбнулся.

Как только перо Белой птицы оказалось у меня под майкой, дело пошло веселее. Да и мой цвет слегка изменился: я стал светлее.

Не знаю, сколько часов прошло, а мы все так же шли строем. Впрочем, существовало ли здесь время, и если да, было ли оно похоже на земное? Пейзаж вокруг не менялся, только гора стала чуть ближе.

Военные по-прежнему пасли нас, как стадо баранов. Вдоль колонны проносились мотоциклы с ребятами в коже с шорами на глазах, похожими на героев порно.

Больше всего меня убивал кислотный запах, разлитый в воздухе. От него слезились глаза, путались мысли.

– Видишь огонек? Там, – сказал Акио. – Это домик духов.

Я посмотрел в направлении, куда он показывал, но ничего не увидел. Видимо, это мираж, фата-моргана, или что там бывает в чертовой пустыне?

– Там ребенок лет пяти цедит лампадное масло прямо из бутылки. На алтаре печенье, самое вкусное на свете.

Он захихикал.

– Акио, там ничего нет, это галлюцинация, – понял я. – Из-за кислотного запаха. Местный воздух напичкан какой-то химией.

– Запах? Ты чувствуешь запах еды? Молока и печенья, – он начал хохотать. – Я до чертей хочу есть. Сожрал бы сейчас это печенье вместе с домиком, лампадкой и, возможно, даже ребенком.

Акио заплакал.

– Это ловушка, понимаешь? Ловушка. Он хочет, чтобы я побежал к домику, схватил печенье с алтаря. В то же мгновение ребенок обратится огнем, языки которого сожгут меня дотла.

– Кто? Кто хочет, Акио?

– Дьявол.

Он плакал горько и безутешно. Из-за Дьявола, которого я не видел. Тогда я понял: то самое, из двух букв, может отличаться даже для двух душ, идущих бок о бок в одной колонне. Он у каждого свой. Душу наполнило отчаянье. Я почувствовал себя невыносимо одиноким.

– В пустыне полно призраков, – сказал Акио, всхлипывая. – Это Абура-акаго. Есть еще Химеры, которые выпивают тени умерших. Коридор Вечности, как ни парадоксально, – самое безопасное место.

– У тебя отличный поисковик, – сказал я. – А у меня даже компаса нет.

Когда мне хуже всего, я пытаюсь шутить. Такая привычка.

– Как отсюда выбраться?

– Ишь чего захотел. Это тюрьма понадежнее Алькатраса. Отсюда нет выхода. А зачем тебе? Забронировал столик в ресторане? – он снова захихикал.

Я потерял виски. Ни черта не помню...

– Я должен вернуться.

Правой-левой, правой-левой. Мы шли, словно рота солдат, переходящая с позиции на позицию. Правой-левой, правой-левой. Теневое тело раскачивалось из стороны в сторону. Я закрыл глаза. Заплаканное женское лицо. Кожа – как пергаментная бумага, тонкая, морщинистая. Черная траурная косынка. Рука опускает в шкатулку крупную серьгу с изумрудами. Я должен вернуться! Лоб уперся в спину соседа, я вздрогнул и открыл глаза.

– Спать после смерти тоже необязательно, – заявил всезнающий Акио, повелитель демонов. – Привычка тела. Пройдет.

– А как же сны?

– Ты и так во сне всю дорогу, – рассмеялся он.

До нас донеслись крики военных, колонна остановилась. Привал? Стопам стало невыносимо жарко, как на горячем песке Гавайского пляжа в полдень. Как на раскаленной сковородке. Я стал маршировать на месте. Единственный способ выжить тут и не свариться – перебирать ногами. Я огляделся по сторонам и с удивлением понял, что мы стоим над обрывом. Скорее всего, это был тот же кратер, только большего размера. На дне кратера, среди камней, остатков потухших вулканов и обломков породы, похожей на битое стекло, глаз различил две теневые фигуры. Почему они не в общей колонне? В груди заболело. От запаха серы резало глаза. Сквозь пелену я увидел в низине кучи мусора и полуразрушенный дом без крыши. Женщина лежала в постели рядом со спящим мужем. На тумбочке – ночник и забытая книга, в углу спальни – телевизор. Женщина смотрела в потолок и беззвучно плакала. Она была невероятно одинока. Через стенку от нее перед компьютером, опустив плечи, сидел парень с затуманенным взглядом и смотрел в монитор. Оба они были невероятно одиноки. Они жили в одном доме, их разделяла только стена. Чтобы встретиться, надо лишь открыть дверь. Или обойти дом с другой стороны. Они жили в одном и том же доме и не знали об этом...

Я потерял переносицу. Это была галлюцинация. Мой Дьявол. В моем персональном слове из двух букв. Почему? Я не помнил.

Послышался лающий возглас. Рядом стоял парень в шорах. Он отогнул полу плаща – во внутреннем кармане мелькнула пачка сигарет. У меня затряслись руки. Сейчас я отдал бы жизнь, да что там жизнь – всю цепь перерождений за одну затяжку. Инстинктивно я потянулся к военному. Что он попросит за сигарету? В его руках мелькнул мобильный телефон. Я настолько удивился, увидев это средство связи, такое человеческое и до боли родное, что залип на экране. Экран тоже был до боли знакомым, возможно, – я не мог сказать наверняка – у меня был такой же телефон, как у этого долбаного демона, а то и покруче, но меня поразило другое. Я смотрел на надписи на экране и понимал, что не помню ни единой буквы. И ни единой цифры. Не помню, где тут цифра, а где буква! Я разучился читать. Я не помнил, что за две буквы были в том слове. Я заплакал.

Сквозь пелену слез я увидел Акио, который, как зомби, потянулся к сигарете. В темноте мелькнул огонек зажигалки, осветивший лицо военного. Я похолодел: это было не лицо, а собачья морда.

Акио поднес зажженную сигарету к губам, сделал затяжку и застонал. Сигаретный дым окутывал меня, дурманил голову. Взволновавшие меня буквы и цифры исчезли, и на экране мобильного возник рисунок батарейки, как бывает, когда ставишь телефон на зарядку. Чем дольше курил Акио, тем выше был уровень заряда, а сам Акио – темнее. К концу сигареты он

стал совсем черным, пошатнулся и начал оседать на землю. Я попытался подхватить его под руки, но почувствовал сильный удар в грудь и полетел вниз, на дно кратера.

Я очнулся на земле с полным ртом пыли. Дико воняло, рядом была куча камней, росли два дерева – первая растительность, которую я здесь встретил, не считая поросшей лесом горы. Отплеываясь, я сел на корточки и затаился. Сверху доносились выстрелы, автоматная очередь, перемеженная с криками. Они искали меня. На дне кратера было не так жарко, но я все же попытался подняться на ноги и увидел прямо перед собой круглые ясные глаза с черными зрачками. Рядом сидела Белая птица, та самая, которой я помог высвободиться из колючей проволоки на пристани. Только теперь она не выглядела такой сияющей, как раньше, словно была заштрихована простым карандашом. Крылья ее покрывала серая вуаль.

Я ошарашенно смотрел на Белую птицу, а Птица, в свою очередь, ошарашенно смотрела на меня. Впрочем, у птиц всегда вид немного ошарашенный.

– Ты Ангел? – спросил я. – Разве тебе можно тут?

– Прячься под мою вуаль, – ответила Птица неожиданно хриплым низким голосом главы мафиозного клана. – Анубисы, демоны-смотрители, слепые и почти глухие, ищут заблудшие души по запаху, а вуаль отбивает запах. Затемняет. Голос такой тоже из-за нее.

Я залез под вуаль, как под одеяло, и – о чудо! – стало прохладно, впервые на этой долбаной планете.

– Что с Акио, он умер? – прошептал я.

– Нет. Потерял много энергии. Энергия – самое дорогое, что есть у заблудших душ. Демонам нужна энергия.

– Как анубисы в шорах могут видеть, что на дисплее смартфона?

Белая птица не ответила. То ли не захотела, то ли не знала.

– Зачем тебе надо вернуться? – спросила она.

Я вспомнил окно разрушенного дома из своей галлюцинации, за которым одинокий парень всматривался в монитор компьютера.

– Не помню. А почему вернулась ты?

– Люди забывают добро, предают друг друга. У птиц не так.

– Как ты оказалась на колючей проволоке?

Она тяжело вздохнула и прикрыла клюв крылом.

– Плохо пахнет. Это страшное место, нам разрешено сопровождать подопечных только до отправки на дирижабль.

– Почему же ты следовала за дирижаблем через море и оказалась тут?

Она смотрела с виноватым видом.

– У птиц не так...

– Как выбраться отсюда?

– Непросто, но способ есть. Город на горе называется Демонополис. Я отнесу тебя туда. Ты должен найти восьмиэтажный дом, добраться до верхнего этажа и попасть на Белый балкон. Там мы встретимся, и я отнесу тебя в Бухту Перерождения. С пристани отходит дирижабль. Я доставлю тебя туда, – пообещала Птица голосом донна Корлеоне.

Здрав голову, я смотрел на вершину горы, на которой горели огни.

– Что это за город?

– Город демонов. Не место для заблудших душ. Их там жестоко карают. Ледяные реки, горящий лес, курящие ямы – специально для этого. И самое страшное – кратеры, через которые демоны утаскивают в глубины своей жуткой планеты.

Голоса демонов слышались над самой головой. Я замер.

– Анубисы уходят. Говорят, это дело гарпий.

Деревья, растущие на дне кратера, зашевелились и обратились двумя большими черными птицами с лицами прекрасных девушек и голыми грудями. Я понял, что так дико воняло

именно от них. Гарпии перелетели через кучу камней и набросились на тени, которые там прятались. Те, которых в своем видении я принял за влюбленную пару, разделенную стеной.

– Прячься!

Белая птица накрыла меня своим крылом. В гудящей голове вдруг просветлело. Комната, в окно которой рвется солнце. Строгая женщина с веселыми глазами и красиво изогнутыми бровями учит меня английскому. Я смотрю в учебник и читаю...

– Улетели.

Белая птица убрала крыло, и я увидел, как в небо воспарили два крылатых силуэта.

– Гарпии крадут души, которые свернули с тропы, вышли из Коридора Вечности, – прошептала Птица и замерла.

Одна из гарпий изменила направление и сделала круг над нашими головами. Белая птица глубже закуталась в вуаль и прошептала:

– Она ищет пропавшую сестру.

Гарпия покружила и улетела.

– Прыгай мне на спину, – прохрипела Птица, когда гарпии превратились в две точки на горизонте. – И погнались!

Хотелось спросить: «Разве Ангелы так говорят?»

Я почувствовал волнение. Если бы у меня было сердце, оно бы точно забилося чаще. Я обнял Птицу за шею, усевшись ей на спину, и мы полетели...

Я увидел пустыню с высоты птичьего полета. Серые камни, горную цепь на горизонте, колонну людей, похожую на змею, скользкую по выжженной вулканами поверхности. Людей, которые жили, злились из-за пустяков, казавшихся дико важными, любили и расставались навсегда, а теперь обратились прахом и тенями. Как только мы взмыли вверх, чернота слетела с моей души, и стало легко. Наверху меньше пахло серой, поэтому я вдохнул полной грудью. Ветер дул в лицо. Планета показалась мне похожей на лоскутное одеяло, мягкое и уютное. И я вдруг вспомнил:

– Артем! Меня зовут Артем!

– По гарпиям соскучился? – отозвалась Белая птица, но по голосу я почувствовал, что она улыбается.

Могут ли птицы улыбаться? Могут ли улыбаться Ангелы?

– Держись крепче!

Она взмыла ввысь. Мы приблизились к горе, и я замер. То, что я принимал за деревья, шевелящиеся на ветру, оказалось плотным потоком людей, которые карабкались на гору! Продолжением колонны на земле. Колонна оборачивалась вокруг горы кольцами, да такими частыми, что казалось, люди ползут по головам друг друга, как муравьи. Меня затошнило. Небо озаряли вспышки, от чего оно становилось ярко-желтым. Вот почему души не выносят тягот пути и становятся звездами. Или это тоже очередная галлюцинация в голове бедного Акио?

Мы быстро набирали высоту. Порыв ветра сотряс нас, словно самолет, попавший в зону турбулентности. Сверху упало несколько крупных капель.

– Черт, – сказала Птица.

– Из-за этой своей вуали ты ругаешься, как сапожник, – улыбнулся я.

– Если ее не будет, нам крышка. Вуаль – это демон, который помогает мне затемниться, чтобы не слишком выделяться в этом месте.

Капли стали частыми, дождь хлынул потоком. Запахло жжеными спичками. Капли обжигали кожу, в груди болело от запаха серы, настолько концентрированного, что, казалось, не он в моей груди, а я внутри него. Белая птица метнулась к горе. Если бы самолет так быстро набирал высоту, он бы точно ушел в пике. Наконец, мы приземлились на камнях на открытой площадке. Горный хребет нависал над нами, защищая от дождя. Груда камней скрывала за собой.

Тяжело дыша, я спустился со спины Белой птицы. Вуаль на ее крыльях расплзлась и зияла дырами. Из дыр, словно из окон, лился ничем не замутненный абсолютный свет, от которого стало больно глазам.

– Кислотный дождь. Местные облака состоят из сернистого газа и капель серной кислоты.

Кислота разъела вуаль. Лететь под таким дождем нельзя.

– Что же делать?

Я посмотрел вниз. Кислотный дождь затопил пустыню, серые вулканические камни и кратеры. Тени в колонне шли по грудь в воде.

– А если уровень воды поднимется еще выше? Что будет с колонной? – спросил я.

– Они будут идти под водой. Это тени, им не нужно дышать.

– Тени выдержат и высокие температуры, и дожди серной кислоты... Или это всего лишь тени дождей и жары?

Я отвернулся.

Впереди была ровная открытая площадка, слишком просторная для горной местности, в центре стояла восьмиугольная железная башня, высотой метров сорок-пятьдесят, к которой поднимался поток серых теней, заблудших душ, – это и было начало колонны, в хвосте которой я шел вниз. К башне, словно огромная пузатая рыба с крошечными плавниками, причаливал дирижабль с надписью на боку, которую я не мог прочесть. Нос дирижабля соприкоснулся с верхушкой башни.

– Дирижабль «СССР Б-52» подходит к причальной мачте, – сказала Белая птица.

Платформа на вершине причальной мачты поехала вниз, опуская дирижабль, пока гондола не коснулась земли. Анубисы в кожаных плащах подгоняли пленников. Колонна теней, испившая чашу мучений до дна, потянулась к дирижаблю, как к последнему пристанищу. Венцу мучений.

– Подожди-ка, это же тот самый дирижабль, который привез нас сюда, тот, что приземлился на авианосец внизу? Лодка Харона, как сказал Акио. Куда он летит?

– Он плывет... Знаю, моряки не любят это слово. «СССР Б-52» идет в порт. Тот самый, в котором прибыл ты, – грустно сказала Птица.

Дирижабль не поднимает заблудшие души на Золотое облако. Он идет в порт у подножья горы, и для теней все начинается сначала. Раскаленная земля, кислотные дожди, восхождение на гору, удары анубисов. Мучения идут по кругу.

– Как такое возможно? – закричал я.

Белая птица поняла мой вопрос по-своему.

– Все дело в облаках из сернистого газа, которые опоясывают эту планету. Они закрывают солнце, из-за них образуется парниковый эффект, потому тут так жарко. Выше имеют газообразную структуру и выглядят как облака, а ниже – жидкую и похожи на морские волны. Дирижабли пригодны для такой атмосферы больше всего.

Я вспомнил надежду, вспыхнувшую в миндалевидных глазах Акио, когда он рассказывал о Золотом облаке, на котором находится Рай, и то, как он почернел и упал к ногам анубиса, когда докурив сигарету. Нет никакого Венца посмертных мучений, нет никакого Золотого облака. И Рая никакого нет. Во всяком случае, он точно не тут. И не для нас, отверженных заблудших душ.

– Это несправедливо! – закричал я.

Я хотел сказать еще что-то, но язык словно завязался узлом, и я не мог вымолвить ни слова.

– Тут нет справедливости. Это же Ад.

Белая птица наконец произнесла то слово из двух букв, которое я так боялся услышать.

– Без вуали я не смогу подняться в Демонополис. Белые птицы там под запретом, так же как и заблудшие души.

Язык был завязан узлом, да, но... ведь у меня не было никакого языка. Потому что я умер и попал в Ад.

– Я должен вернуться, – сказал я.

– Я отнесу тебя на станцию, доедешь до Демонополиса на поезде.

– В Аду есть поезда?

– Демонополис – крупный город, говорят, там есть даже метро.

Мы летели, опускаясь все ниже. Вершина горы, которую венчал город демонов, и площадка с причальной мачтой для дирижаблей остались далеко позади. Внизу плыла затопленная пустыня. По дну ее шли заблудшие души, которым никто уже не мог помочь. О чем они думали? От каких демонов спасались? В воде, переливавшейся желто-фиолетовыми флуоресцентными разводами, отражались желтые облака. Ветер усилился. Прямо под крылом блеснула колея рельс, а потом я увидел бетонную площадку под козырьком – железнодорожная станция. Белая птица спикировала вниз и приземлилась на платформу. Посадка вышла такой жесткой, что я скатился с ее спины и впечатался в асфальт.

– Извини, я тяжело переношу местный климат, – сказала Белая птица голосом прекрасным, как перелив серебряных колокольчиков.

Ставлю свою жизнь – это был голос Ангела.

Вуаль расплзлась, слетела с ее крыльев и упала к моим ногам. В следующее мгновение на меня взглянули два злых круглых глаза, и вуаль уползла под платформу, как гусеница.

Я огляделся: на платформе никого не было. Только в самом конце стоял парень. Златокудрый, синеглазый и какой-то неприкаянный, в расстегнутой белой рубашке, широких штанах и почему-то босиком, он имел теневой вид, но был темнее, чем я. На шее парня болталась оборванная веревка.

– Висельник, – прошептала Птица грустно. – А похож на Ангела.

Впереди блеснул глаз подъезжающего поезда. Я замер от предчувствия, тревожного и волнующего.

– Будь осторожен: бойся демонов, они узнают заблудшие души по запаху. Они очень быстрые и сажают заблудшие души себе на горб, чтобы потом продать или сгноить в глубинах Ада, – напутствовала меня Белая птица. – Тебе надо найти Восьмиэтажку и добраться до верхнего этажа. Я встречу тебя на Белом балконе. Ты дойдешь, я верю. Ты бедовый. Светлая голова.

– Как я поеду без билета? – вскричал я.

– Тебе поможет Красный цветок.

В ее крыле полыхнул огонек. Это был кристалл, похожий на обломок местной породы, только красного цвета.

– Заходи в первое купе. Тебя встретит мой человек, – у Птицы больше не было вуали, но сейчас мне отчего-то показалось, что она все еще говорит голосом донна Корлеоне. – Возьми Красный цветок в левую руку и произнеси:

*Чтобы даже зоркий соколиный глаз
Не сумел узреть меня сейчас.
Ни в ночи, ни в море-океяне,
Ни в светлице.
Чтобы был я, как в тумане.
Невидим.*

Я взял кристалл и сунул за пазуху.
Поезд неспешно полз по перрону. Глаз его горел ярко, как перья Белой птицы.
– А как же ты? – спохватился я. – Как ты вернешься туда, такая сияющая?
– Я вернусь. Обязательно. Ведь мне надо встретить тебя на Белом балконе Восьмиэтажки. – Она посмотрела мне в глаза. – Я должна вернуться.
– За кем ты летела через море, вслед за дирижаблем? – мой голос дрогнул из-за внезапной догадки.
– Я тебя маленьким помню. Как ты из кубиков Пизанскую башню строил... Ты кубики любил. Светлая голова.

Поезд остановился. Дверь вагона открылась, и на перрон вышла проводница в форменном платье, с густо накрашенными губами. Слишком яркая и осязаемая, она не выглядела тенью, как я. Неужели живая?

*Чтобы даже зоркий соколиный глаз
Не сумел узреть меня сейчас.
Ни в ночи, ни в море-океяне,
Ни в светлице.
Чтобы был я, как в тумане.
Невидим.*

Держа кристалл в левой руке, я подошел к ней вплотную. Проводница рассеянно посмотрела мимо меня, и я проскользнул в вагон. Прошел вдоль ряда окон по ковровой дорожке и дернул дверцу первого купе.

Это было самое обычное купе, кажется, я видел такие при жизни. Четыре полки, искусственные цветы в вазочке на столике. Мне показалось, что пахнет розами, и стало грустно. Хотелось запрыгнуть на верхнюю полку, накрыться одеялом и уснуть без задних ног. И катиться в этом поезде не до Демонополиса, города, где демоны закидывают заблудшие души себе на горб, а домой, в свой родной город, названия которого я не помнил и даже не мог прочесть.

На нижней полке сидела маленькая бабушка в цветастой кофте и длинной юбке. Ноги в сапогах не по размеру не доставали до пола. Из-под белого платка виднелись длинные седые волосы, частично заплетенные в маленькие косички. Левая рука чуть меньше и тоньше другой, прижата к телу. На коленях – плетеная корзинка.

Бабушка не выглядела тенью. Она была живой, как и проводница. Я решил, что она меня не видит и очень удивился, когда бабушка вдруг посмотрела мне в глаза и сказала:

– Ну, здравствуй, пострел. Садись к окну и помалкивай. Тут полно живых, всех детей в вагоне распугаешь.

Словно в подтверждение ее слов за стенкой заплакал ребенок.

– А Красный цветок прячь за пазуху, поближе к Белому перу. В таком диком месте он тебе не помешает.

Я сунул кристалл за пазуху. Почему они называют его Красным цветком?

То ли из-за соседства с этой незнакомой бабушкой, которая чем-то напоминала Белую птицу, то ли из-за того, что я сел в поезд и куда-то еду, то ли из-за запаха роз, но на душе стало хорошо и спокойно.

Поезд тронулся. Перрон остался позади, и за окном из-за букета искусственных цветов в вазочке выплывала пустыня Ада, затопленная флуоресцентными водами. Поезд въехал в тон-

нель – черная дыра загрохотала в ушах. Затем мы вылетели из тоннеля, и на встречу бросилось синее небо. Мимо бежали поля, луга раскинули зеленые дали до самого горизонта, в высоких травах запутались белые цветы. Я уже привык не гореть на раскаленной сковородке адской планеты и не плавиться под кислотными дождями, но тут не смог сдержать набежавших слез. Я дома...

Дверца отъехала, в купе вошла проводница и строго посмотрела на меня. Она могла меня видеть!

– Проверка документов.

– Его билет у меня, дочка, – сказала бабушка и полезла в свою корзинку. – Внучок мой.

Проводница посмотрела на мою майку «Рик и Морти» и треники с вытянутыми коленками и брезгливо потянула носом воздух.

– А этот?

Я повернул голову и замер. Рядом со мной на полке сидел блондин с веревкой на шее, которого мы с Белой птицей видели на перроне.

– И этот со мной, – вздохнула бабушка.

Проводница посмотрела на веревку, и ее глаза, обведенные черным карандашом, округлились.

– Артист. Вживается в роль, – развела руками бабушка.

Проводница взяла из темной морщинистой руки три билета.

– А паспорта?

– Да какие же у них паспорта, умерли они, – сказала бабушка.

– Ясно. – Проводница коротко кивнула и поправила форменное платье.

Внесла какие-то пометки в свои бумаги и пошла к выходу. У двери она обернулась и еще раз с подозрением оглядела всю компанию.

– А вы до какой станции, я забыла?

– До Ельца.

– А эти двое?

– А эти, дочка, раньше сойдут. В Демонополисе.

Она снова кивнула.

– Чай будете?

Стаканы в железных подстаканниках громыхали на столе.

– Как вас зовут? – спросил я.

Она улыбнулась чему-то.

– Маб.

– А я Артем.

Блондин с веревкой на шее посмотрел надменно и отвернулся.

Мне стало неловко.

– Шли под водой, – сказал я зачем-то, хотя и не шел под водой, – карабкались на гору, а теперь вот едем в поезде...

– Ехать или идти, какая разница? – пожала плечами Маб, покачиваясь в такт поезду.

– Я совсем недавно вспомнил свое имя, – продолжал я. – Я не могу читать, не могу писать. Это было очень важно, смертельно важно, хоть я и не помню, почему...

Блондин с веревкой на шее посмотрел на свои босые ноги и заплакал.

Маб озабоченно покачала головой, поправила завязки белого платка и полезла в корзинку.

– Пора нам, ребята, подкрепиться.

Она достала платочек, разгладила его на столе и выложила из корзинки курицу, завернутую в фольгу, хлеб и крашенные яйца. В окне проплывало кладбище – могилки, кресты и

надгробья, украшенные венками. На скамеечке возле холмика свежей могилы с деревянным крестом сидела бабушка в мохеровом берете с зажженной свечой в руке. Я вдруг понял, что есть хочу до полной потери своего теневого облика, но отчего-то засмотрелся на сгорбленную фигурку на кладбищенской скамейке. Когда я обернулся, курица уже была в руках блондина, и он бодро рвал ее зубами. Я быстро взял яйцо со стола. Маб разломил хлеб, старательно перекрестила и протянула мне краюху. Я не помнил, кто я и откуда, но мог сказать наверняка, что ничего вкуснее этого хлеба я в своей жизни не пробовал.

– Найти Восьмиэтажку непросто. Но если ты это сделал, ни один демон не может тебе препятствовать. Такое условие. Когда попадешь внутрь, брось яйцо церберу, – велела Маб. – И помни, в Демонополисе, как и в любом большом городе, чтобы выжить, надо стать одним из них.

– Я не хочу возвращаться, не хочу в Демонополис. Я хочу остаться на земле. Сойду в Ельце, – решил я.

– Это не обычный поезд, часть пути его лежит в Аду, остальной маршрут проходит в нормальном режиме. Впрочем, разве не то же самое происходит и в жизни? Именно поэтому проводница может тебя видеть. Если ты сойдешь на земле, будешь бродить по миру неприкаянной душой. Гудеть в проводах, петь в трубах дождливыми ночами, скрипеть паркетом, пугая кошек и младенцев. Ты не сможешь перекинуться и парой слов ни с одной живой душой. Будешь обречен на одиночество.

– Бежать по утреннему лугу на встречу рассвету, плести венки из васильков и одуванчиков, сидеть на крыше храма и из-за крыла Ангела смотреть на город, просыпающийся под ногами, – сказал блондин, у которого оказался красивый низкий голос.

Маб молчала, покачиваясь в такт поезду. За стенкой плакал младенец.

– Вспышки, которыми озарялось желтое небо пустыни, – это Белые птицы. Они забирают души для новой жизни. Из Ада есть только один выход: рождение.

– Значит, выход есть... – сказал я.

– Выход в конце пути. Путь у каждого свой, и его нужно пройти.

Дверь отъехала, и в купе просунулась голова проводницы.

– Богоявленск!

Поезд дернулся и остановился. На полке рядом со мной никого не было.

– Ну, а ты? – спросила Маб. – Поедешь до Ельца?

Я взял со стола крашенное яйцо и положил за пазуху.

– Я должен вернуться.

– Спасибо, – сказал я Маб.

А ведь Белую птицу, своего Ангела-Хранителя, я не поблагодарил и даже не попрощался с ней. Мне стало стыдно. Я понял, что за странное чувство испытал, когда сел в поезд. Рядом с Маб я вспомнил, что у меня есть душа. И теперь каждое мгновение чувствовал ее на дне своей теневой оболочки темно-серого цвета.

Маб улыбнулась, и в уголках ее добрых глаз появились морщинки.

– Каждый человек, которого ты встречаешь на своем пути, не случаен. Он хоть немного, да меняет тебя. И неважно, человек это или Белая птица. Ведь после встречи с ним ты уже не будешь прежним. И путь твой, был ли он на земле или в Аду, не будет прежним тоже.

Когда поезд замедлил ход, я уже ждал в тамбуре: боялся проехать свою станцию.

– Демонополис, – сказала проводница и открыла железную дверь.

В образовавшемся пространстве появился кусочек низкого желтого неба, и стало тоскливо. Я собрался с духом, как бывает перед тем, как прыгнуть в речку, и шагнул на перрон.

Первое, что меня поразило, – это вонь и бардак, который царил вокруг. Костры, ямы, из которых валил пар. Рядом с путями высился завал из какого-то железа, обломков горной

породы и стекла. Штуки, похожие на стремена. Пластиковые бутылки. Клянусь, я видел аккумулятор мобильного телефона! Впереди чернел кратер, который венчала светящаяся алым буква, я не помнил какая. На горизонте, словно горы, высились причудливо изогнутые башни. Несколько из них были такими высокими, что верхние этажи скрывались в желтых облаках. На фоне кучи мусора и курящей ямы они смотрелись эффектно.

Окутанное дымом небо не скрывала плотная пелена облаков – Демонополис находился на вершине горы, выше них. Небо было ярко-желтым. И жара не чувствовалась так сильно, как в пустыне Ада, по крайней мере, можно было спокойно стоять на месте. Небо казалось темным, гораздо темнее, чем в пустыне. Едва подняв голову, я понял почему. В воздухе носилось невероятное количество существ, которые летали так быстро, что их невозможно было разглядеть. Пелену дыма пронзал свет фар – существа были оснащены транспортными средствами. Я присмотрелся, пытаюсь разглядеть подробнее хотя бы одного из них. Не получилось. Заломило в затылке, и я схватился руками за голову.

Меня ослепил свет фар. С неба спустился и резко затормозил прямо перед моим носом желтый электросамокат. Им управлял невысокий коренастый парень, лысый, по цвету гораздо темнее меня. Низкий лоб, складка которого наплывала на глаза, как челка, крупный нос, массивная нижняя челюсть. За плечами у него была большая квадратная сумка-рюкзак желтого цвета. Я смотрел во все глаза. Курьер доставки еды?

Парень выхватил из-за спины большой сачок, похожий на тот, которыми ловят бродячих собак, и земля уплыла из-под ног – меня засунули в сетку! Большие сильные руки легко подняли сачок, встряхнули довольно бесцеремонно. Мгновение, и я оказался внутри чертовой сумки, причем в унижительном положении головой вниз. Темнота поглотила меня, и я хотел уж было распрощаться с Демонополисом на добрую тысячу лет, но вдруг услышал вой, похожий на звериный. Я полетел вниз – сумка упала на землю. Не теряя времени, я откинул крышку и выпрыгнул из сумки. Демон сидел на камнях и тер глаза. Рядом лежало перо Белой птицы, которое, по всей видимости, выпало из моей майки. Оно ослепило его!

Я не знаю, как это произошло. Возможно, из-за сачка, или сумка доставщика еды меня фраппировала и я никак не мог пережить того факта, что окажусь чьим-то ужином. Или виной всему не до конца изжитое классовое неравенство и прочие имперские комплексы. Так или иначе, я схватил Белое перо, закинул за плечи сумку и вспрыгнул на электросамокат. Правой рукой нажал рычаг, на табло появилась надпись «Go», и я дал по газам. Самокат взмыл в небо, и только тут я сообразил, что прочитал слово. Первое со дня своей смерти.

Глава 2

Ева

Ева плыла вдоль бортика бассейна. Утреннее солнце, которое проникало в окошко под крышей, отражаясь от воды, отсвечивало квадратным бликом на потолке. Блики трепетали и вздрагивали, словно крылья сотни светящихся бабочек. Под солнцем на бешеной скорости неслись самолеты, чуть ниже летели машины в магистральных потоках, электросамокаты. Ветер свистел в ушах, и люди тоже неслись по своим делам в круговерти большого города, смешиваясь друг с другом, как песчинки в песочных часах Времени. Иногда хотелось замедлить бег. Остановиться, затаиться на самом дне мира, словно ящерица, которая отращивает новый хвост, и подумать о главном. Вот только о чем?

Ева посмотрела по сторонам. На крайней дорожке, как обычно в это время, инструктор в трусах с плавниками проводил занятие по аквааэробике. Инструктор был симпатичный, и несколько взрослых упитанных дам посещали аквааэробику без пропусков. Старались – бассейн выходил из берегов – и носили одинаковые купальные шапочки. Ева прозвала их группой по синхронному плаванию. Группа занималась под популярный ремикс в стиле латино на старинный мотивчик «Рио Рита». Ева невольно замурлыкала под нос и прищурилась. Общий план бассейна, дальше инструктор в дурацких трусах, через его плечо «восьмерка» на пару синхронисток. Потом панорама, и обязательно снять с нескольких точек... Ева почувствовала удар в бедро. Ее случайно лягнула опоздавшая, которая стремилась во что бы то ни стало прикнуться к группе по синхронному плаванию. Неловко перелезла через ограничительную ленту между дорожками. Ева мстительно укрупнила ее зад в красных трусах, мелькнувший над лентой, и мысленно подмонтировала к своему клипу.

По лесенке спустился парень и присоединился к Еве на ее дорожке. Парень плыл неравномерно – то кролем, то брассом, поднимая тучу брызг. Прыгал в воду дельфинчиком, потом брал пенопластовую дощечку, чтобы проработать ноги. С появлением парня Евиному спокойному существованию в бассейне пришел конец. Оно оказалось полностью посвящено комплексу упражнений этого дельфина. Вот так и ее жизнь полностью посвящена комплексу упражнений Платона.

Отношения с Платоном были похожи на чрезвычайное происшествие, которое происходит по твоей вине. Как будто ты затопил соседей. В доме воды по колено, паркет вздулся, по комнате плавают стулья, соседи в панике разыскивают под водой пропавшую бабушку, а ты, словно остатки приличия, подбираешь упавшие вазочки и расставляешь по полкам.

Платон был женат. Черные волосы, затуманенный взгляд, словно внутри себя, четки вокруг запястья – он говорил, это помогает привести мысли в порядок. Ева любила смотреть, как он перебирает их своими красивыми длинными пальцами, словно струны ее существа, находя самые нежные и уязвимые места. Казалось, что с каждым новым кругом Платон привлекает ее к себе все больше. Было в этой его манере что-то древнее, пугающее, но манящее. Платон работал режиссером на телевидении, вел свое шоу в интернете и обожал кино.

Он говорил:

– Эта съемка была длиной в жизнь, как план Тарковского, который начинается от окна и заканчивается после обеда.

Он удивлялся:

– Ты не смотрела фильмы Тарковского? Как же так, Ева, ты же журналист.

В его глазах цвета неба читалось разочарование. Ева чувствовала себя такой потерянной, что подкашивались ноги. Ей невыносимо хотелось коснуться Платона, чтобы закрепить, подтвердить хрупкую связь, которая могла прерваться в любой момент.

– Обязательно посмотри, при встрече обсудим.

На прошлые выходные он пригласил ее в загородный пансионат. Ева собиралась пойти в кафе с подружками – эта встреча планировалась в их общем чате за две недели: одна из девочек должна была родить со дня на день, другая собиралась на отдых в Турцию, но Ева, конечно, придумала отговорку и выбрала поездку за город с Платоном. Потоп невозможно перенести на удобное время.

Аккуратные деревянные коттеджи пансионата были рассыпаны у берега над рекой среди сосен. Под ногами лежали шишки, похожие на окаменевшие розы.

Работник пансионата, которого они повстречали на прогулке, рассказал, что раньше тут жили ласточки. Они чертили в высоком летнем небе, заставляя мечтать. Ласточки вили гнезда в высоком песчаном берегу. Берег осыпался, и несколько прекрасных сосен, растущих у самого края, завалились на бок, стыдливо обнажив корни. Берег стали укреплять бревнами, которые тоже когда-то были прекрасными соснами. Это помогло. Деревья, растущие у края, больше не падали, но и ласточки, чертящие в высоком небе, перестали вить здесь свои гнезда и, улетели.

В пансионате имелся бассейн, тропа здоровья и контактный зоопарк: кролики, куры, косматая рыжая собака. Пристройка, в которой жила коза, почему-то была опутана полосатой лентой, какой обычно полицейские огораживают место происшествия.

На ресепшен они встретили брюнетку с пышным бюстом. Платон поздоровался, перебросился с ней парой фраз.

Ева спросила:

– Ты с ней спал?

Он кивнул.

Она насмешливо вскинула брови:

– И как?

– Было.

На телевидении так говорили после удачно снятого дубля.

После обеда Платон куда-то пропал. Ева вернулась в номер одна. На дорожке у коттеджа она обнаружила мертвую птицу – стукнулась на лету в стекло и разбилась насмерть.

Ева лежала в номере на кровати и смотрела «Солярис». Бревенчатые стены деревянного дома опутывали паутинки трещин. У каждой свой неповторимый узор, как у отпечатков пальцев. За окном разливалась река, в флуоресцентных водах которой отражалось небо. Бесконечное, как океан «Соляриса». Манящий и неведомый мозг человека или Вселенная. По реке плыла крыша от собачьей будки.

Платон все не появлялся, и Ева явственно поняла: он с брюнеткой. Раз «было», вполне могло быть и еще. Когда послышались его шаги на крыльце, Ева щелкнула замком – заперла дверь номера.

– Ева, открой! – ломился Платон. – Я знаю, что ты там!

Героиня фильма «Солярис» кричала диким голосом, рвалась к герою сквозь дверь космического корабля.

– Ева! – Платон бил в дверь ногами.

Героиня «Соляриса» крушила дверь. Холодный металл раздирал на куски ее прекрасное тело, и героиня погибала.

Ева все-таки открыла. Они выясняли отношения, потом бегали друг от друга по тропе здоровья, мимо контактного зоопарка. Из окошка пристройки выглядывала коза и смотрела своими инопланетными глазами с квадратными зрачками.

В конце концов, все как-то уладилось, но позвонила жена Платона. Он говорил, что с друзьями на даче, голосом, каким разговаривают с ребенком. Этот его тон особенно задел Еву, и ссора вышла на новый виток. Когда они снова помирились, обессиленная Ева опустилась к Платону на колени. Они сплелись, как две части головоломки, которые в один миг становятся

единым целым. Как будто Платон был ее рукой или ногой. Их губы сомкнулись, и Ева почувствовала себя непоправимо беспробудно счастливой, словно глотнула горячего глинтвейна, зайдя с мороза.

– Как тебе Тарковский? – спросил Платон.

– Жизненно, – кивнула Ева.

Платон погладил ее по волосам и сказал с нежностью:

– Если уйдешь от меня, я тебе голову оторву.

Они занимались любовью всю ночь. А утром позвонила мама, и Ева вдохновенно врала о том, как прошла встреча с подругами, – расставляла вазочки в затопленной квартире.

Когда она вылезла из бассейна и накинула на плечи махровое полотенце, к ней подошел инструктор группы по синхронному плаванию. Ева смотрела, как он приближался, освещенный лучами утреннего солнца, сложенный, как древнеримский бог, с ежиком коротко остриженных волос и полуулыбкой на открытом лице, и подумала: вот он, прекрасный принц, который спасет меня от чар Платона. А почему нет? Жизнь – удивительная штука. И почему бы этой самой жизни не одарить Еву, просто потому что она стоит тут вся такая в красном купальнике и ждет от нее чуда?

– Вашей маме зять не нужен? – спросил инструктор и заржал как конь.

Она смерила инструктора презрительным взглядом, мысленно наказывая за свои обманутые ожидания.

– Так никто не говорит уже лет сто.

Он склонил голову и отчаянно стукнул себя несколько раз по уху, пытаясь выбить оттуда затекшую воду.

– Ты же Ева, да? А я Андрей. Часто тут тебя вижу. Живешь поблизости?

Ева потянулась к шезлонгу за ключом от кабинки, собираясь уходить, и подняла указательный палец вверх.

– Прямо в этом доме.

– Фитнес в своем доме, вот это ништяк! – он кашлянул. – Не хочешь погулять вечером? В парке есть веревочный городок, могли бы полазить.

Ева представила, как Андрей идет по натянутой между деревьев веревочной лесенке в своих трусах с павлинами в окружении группы по синхронному плаванию – трепещущих телесами дам в одинаковых шапочках, и закусил губу, чтобы не расхохотаться. Это было ее проклятье – смех не к месту. В разговоре с начальником, в театре и даже во время секса. Так было однажды, когда она намазалась антицеллюлитным кремом, и Платон вдруг в самый разгар событий начал нервно чесаться, а Ева прыснула от смеха. Словно крылья сотни светящихся бабочек начинали трепетать, и она ничего не могла с собой поделать.

– Заманчиво, но нет. Не могу, у меня лекция по творчеству Тарковского, – бросила она через плечо, направляясь к душевой.

– А можно с тобой? – крикнул ей вслед Андрей.

– Не думаю! – расхохоталась Ева.

У Евы были светлые с рыжинкой волосы до плеч, зеленые глаза, вздернутый нос. Было лицо. Она нравилась людям. Как-то Ева шла мимо храма и поняла, что срочно должна зайти. Ева перекрестилась и нырнула в его гулкую тишину. Литургия уже кончилась, прихожане разошлись, уборщица в углу натирала полы. Святые строго смотрели с икон в золотых окладах, закрытые Царские врата возвышались в своей сусальной торжественности. Ева почувствовала себя ничтожной и невольно прикрыла руками грудь в слишком открытом платье на бретельках. И тут к ней подошла бабушка, сняла с себя ситцевую кофту в цветочек, очень простую и явно самодельную, и протянула:

– Возьми, дочка.

Ева поблагодарила, поставила свечи, постояла немного у иконы своей любимой святой, и попятилась к выходу. Сняла кофту и отыскивала бабушку, чтобы вернуть. Та замахала руками.
– Возьми себе, это подарок.

Ева попыталась вернуть бабушке ее вещь, но та ни в какую не принимала. Она была очень просто одета – в ситцевом платье, платке и стоптанных тапочках – и вот, смотри ж ты, так хотела одарить разодетую не к месту Еву.

После бассейна она поднялась в свою уютную однокомнатную квартирку, в которой по утрам гостило солнце. Ева не любила пользоваться лифтом – всего-то четвертый этаж. Пешком быстрее – бесплатный фитнес.

Дома Ева первым делом нашла в интернете латиноамериканский мотивчик, который крутился в голове все утро – ремикс на старинную мелодию «Рио Рита» – и поставила на максимум. Собралась, чтобы идти на работу.

Ева работала корреспондентом на кабельном телеканале, в программе о Москве. Бегала по съемкам, монтажам, ругалась с редактором по поводу текстов. Беспokoйно, много работы, но и много новых встреч, впечатлений – интересно.

Она обувалась в прихожей, когда раздался звонок в дверь. На пороге стояла Кристина, ее двоюродная сестра, с сыном Мариком. К лицу крупной статной Кристины, словно маска, прилипло презрительно-обиженное выражение, из-за которого Ева всегда чувствовала себя с сестрой не в своей тарелке, как будто она ее чем-то обидела, но никак не может припомнить, чем именно. У Марика был синдром Дауна. Лишняя хромосома – у всех людей сорок шесть, а у Марика сорок семь. Синдром Дауна у детей сопровождается задержкой развития и сопутствующими заболеваниями. У Марика это был порок сердца.

До рождения Марика Кристина, которая приехала в Москву из Ефремова, получила образование и сделала головокружительную карьеру – она работала в маркетинговом отделе известной международной компании. Путешествовала, бывала за границей несколько раз в год, ходила по модным клубам-ресторанам. В одном из них и встретила будущего мужа Семена, москвича с квартирой в хорошем районе. Свадьба была в старинной усадьбе, выездная регистрация на открытом воздухе, вечеринка в стиле «Великого Гэтсби», ее любимого фильма с Лео. Кристина стояла под сенью высоких деревьев в меховой горжетке на плечах и обруче вокруг головы с горящим стразами пером, как у Дэйзи Бьюкенен, смотрела в высоченное сентябрьское небо, смотрела на слезы подруг – слезы зависти, в этом Кристина не сомневалась, – и думала: неужели это она, девчонка из Ефремова, в самом центре всего этого великолепия хлопает наращенными ресницами?

Когда Марик родился, Кристине его не показали. Заведующая пришла в палату и сказала: «Будут у вас еще дети. А этого оставьте тут». У Кристины пропало молоко. Пока она лежала в больнице, все время плакала. Однажды мыла руки, посмотрела в зеркало на свое отражение. Видит: рядом стоит еще одна Кристина, моет руки и смотрит в зеркало. Нервное потрясение. Они с мужем решили оставить Марика в роддоме, но вмешалась мать Семена. Поджала губы, сказала Семену: «Я предателей не растила. Оставишь ребенка – считай, матери у тебя нет». Старая карга. Хорошо ей говорить из Сочи, уехала, выскочила замуж во второй раз, а им – ярмо на всю жизнь. У Марика порок сердца – в детский сад нельзя, будет часто болеть. Марик рос дома, Кристина при нем. Водила по врачам, на прогулку. Подруги обсуждали плюсы раннего развития, стоит ли ребенку начинать учить английский, если он еще толком не знает русский, а Кристина радовалась, что удалось приучить Марика к горшку к шести годам. Тому, что говорит лишь отдельные слова. Но Кристину тяготило не это. Старый халат, стоптанные тапки. В шкафу покрывались пылью деловые костюмы. Кристина рвалась на работу, но за время декрета известная международная компания ушла с российского рынка. Со своим опытом Кристина легко бы нашла другую работу – она могла начать все заново, со стартовых позиций, но как быть с Мариком? В сад нельзя, нанять няню и отдавать ей всю зарплату, кото-

рую получает? Непрактично. Подождать, пока Марик пойдет в школу? Но сможет ли он ее посещать, сможет ли обслуживать себя сам и обходиться без Кристины в школе? А вообще когда-нибудь – сможет? Подруги делали карьеру, шептались о любовниках, а Кристине, которая привыкла быть первой во всем, и сказать нечего. Любовник – праздник для души, отличный способ переключиться, да где она его найдет? На детской площадке в спортивном костюме с вытянутыми коленками и ребенком подмышкой? Кристина не теряла надежды и штудировала сайты по поиску работы. Вдруг повезет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.